

2. Глушков И.Г. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири) / И.Г. Глушков, Т.Н. Глушкова. – Тобольск: гос. пед. ин-т, 1992. – 130 с.
3. Гутков А.А. Технология изготовления керамики памятников синташтинского типа // Материалы конференции: Третья международная научная конференция Россия и Восток: проблемы взаимодействия. – Челябинск, 1995, к. 2. – С. 132-135.
4. Дубовцева Е.Н., Киселева Д.В., Пантелеева С.Е. Технологическое исследование керамики синташтинского типа из поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник. №4 (53). 2016. – С. 99-110.
5. Зданович Г.Б. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). – Челябинск: Изд-во Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. – 260 с.
6. Корякова Л.Н., Кузьмина С.А. Некоторые особенности архитектуры укрепленного поселения Каменный Амбар в контексте образа жизни населения Южного Зауралья начала II тыс. до н.э. // Уральский исторический вестник. №1 (54). 2017. – С. 92-102.
7. Медведева П.С. Исследование отпечатков ткани на керамических сосудах синташтинской и петровской культур (по материалам могильника Кривое Озеро) // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / ред. кол.: В. И. Богдановский (предс.) и др. ; отв. ред. А. Д. Таиров. – Челябинск, 2015. – С. 75-81.

К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОГРАБЛЕННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Е.О. Васючков

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск*

*Научный руководитель – к.и.н., заведующая Научно-исследовательской
лабораторией «Археологические исследования и школьное археологическое
краеведение» ЮУрГГПУ И.П. Алаева*

Проблема большого количества потревоженных или ограбленных погребений в культурах бронзового века Южного Зауралья неоднократно обсуждалась в литературе. Доля потревоженных погребений в синташтинской, петровской, алакульской, Фёдоровской культурах составляет от 25% до 50% от общего количества погребений [Корочкова, Стефанов, 1999, с. 81-82; Нелин, 2001, с. 317-321; Куприянова, 2014, с. 588; Епимахов,

2014, с. 562; Бондаренко, 2014, с. 541]. Немаловажно и то, что ограбление происходило в интервале от 6 месяцев до 3-5 лет после похорон, то есть совершалось современниками погребенных [Нелин, 2001, с. 317-321].

Археологи затрудняются в однозначной интерпретации мотивов изъятия вещей из могил. Первая точка зрения утверждает, что древние проникновения это результат корыстного интереса к вещам, то есть ограбление. Есть предположения, что, судя по всему, в культурах бронзового века на Южном Урале сложилась ситуация нехватки металла [Алаева, 2014, с. 524]. В условиях недостатка металла люди были вынуждены прибегнуть к способам его альтернативного получения. Но эта гипотеза не объясняет частое нарушение костяка, которым сопровождается ограбление. Поэтому появляется вторая точка зрения, в рамках которой причиной проникновения в могилу становятся постпогребальные практики в целях обезвреживания покойников. Но вышеприведенная статистика неумолимо свидетельствует о том, что главной целью проникновения в могилы было изъятие вещей. Постпогребальные практики были лишь средством оградить себя от мести мертвеца.

Господствующие в научной среде гипотезы, основанные целиком на археологическом материале, не могут дать точный и однозначный ответ о целях и мотивах грабителей. Принадлежность культур бронзового века Южного Зауралья к индоиранской общности [Кузьмина, 1994] позволяет нам обратиться к широкому пласту индоевропейского эпоса в поисках упоминания ритуала изъятия погребального инвентаря.

В качестве *рабочей гипотезы* мы можем предложить такое объяснение: изъятие вещей из курганов происходило в рамках ритуала наследования и передачи предметов потомкам от родственника (отца) или шире от предков.

Методы исследования – анализ мифологии и эпоса индоевропейских народов. В частности, поиск сюжета о загробном дарителе (вычлененный В.Я. Проппом по результатам анализа русских сказок) [Пропп, 1986]. Компонентами этого сюжета являются: собственно сам загробный даритель (умерший отец, предок, мертвец, сверхъестественное существо); передаваемые предметы; погребальное сооружение; обрядовая сторона.

У древних греков мотив передачи вещей от мертвого человека отражен на примере Нептолема, получающего вещи своего отца Ахилла от Одиссея [Аполлодор, эпитом. V 11]. У скифов сюжет с передачей вещей тесно связан с этногонической легендой, изложенной у Геродота. Передача вещей осуществляется героем, которого Геродот называет Гераклом, своим сыновьям. Он передает лук и пояс с золотой чашей. Ритуал заключался в том, что и земля и предметы достанутся тому из сыновей, кто сумеет натянуть лук и повязать пояс с чашей, т. е. пройти испытания [Геродот IV.10].

В нартском эпосе ритуал передачи представлен в следующем сюжете. Ачемез интересуется у матери “Сохранилась могила [моего] отца или нет? В хозяйстве моего отца конь, оружие, доспехи были?” Мать отвечает Ачемезу следующее: “Могила твоего отца сохранилась. [В подземелье] под камнем в тысячу геренке были у [него] конь и оружие” [Нарты, 1994, с. 656]. В тексте напрямую упоминается могила, судя по всему, отец Ачемеза был похоронен под каменной плитой. Дарителем будет являться мертвый отец. Передаваемые предметы это конь и оружие.

У скандинавов ритуал передачи предметов можно проследить на основе огромного количества источников. В саге о Хервер и Хейдрекке дочь погребенного в кургане Аргантиора проникает в курган с целью заявить свои права на меч Тюрфинг, лежащий в качестве погребального инвентаря. [Шаравольский, 1906, с. 32-33]. В саге о Греттире, герой проникает в курган с целью изъятия материальных ценностей и после сражения с мертвецом отсекает тому голову [Сага о Греттире, 1976, с. 31]. Предметы в скандинавских сагах всегда находятся внутри кургана. Владеет предметами мертвец, который может являться как родственником получателя, так и не быть связанным с ним родственными узами. Передача вещей тоже совершается по-разному. Мертвец может отдать вещи после разговора, предметы могут достаться после схватки с обитателем кургана. Хервер называет погребальный инвентарь наследством и требует у мертвеца передать его.

В русских сказках мы можем найти похожие сюжеты [Народные русские сказки, 1984]. В сказке “Сивка-Бурка” отец просит сыновей ходить на его могилу спать три ночи. Младшему сыну, что исправно выполнил волю отца, от него достается волшебный конь. В “Медведко, Усыня, Горыня и Дубыня-богатыри” главный герой проникает в подземелье за Бабой-ягой и узнает от трех девиц следующее: “Она теперь спит, а в головах у ней меч-кладенец лежит”. Герою следует провести обряд, оканчивающийся отсечением головы мертвецу, чтобы получить меч-кладенец.

Таким образом, в массиве индоевропейской мифологии и эпоса мы обнаруживаем целый ряд примеров отражения ритуала передачи предметов от покойника, предка. Вполне вероятно, это и есть следы тех древних проникновений в курганы. В эпосе целью героя всегда являются вещи, которыми располагает мертвец. Все постпогребальные практики, такие как отсечение головы, по сути своей вторичны и служат лишь средством для достижения основной цели. Реконструировать обряд (конкретные действия при передаче вещей) на основе полученной информации весьма проблематично по причине ее разнородности. К тому же нельзя исключать и того факта, что именно этот момент мог подвергнуться сильной рациона-

лизации и переосмыслению по причине непонимания его смысла последующими поколениями.

Литература

1. Алаева И.П. Литейные формы алакульской культуры Зауралья (Вопросы отражения уровня развития металлопроизводства) // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 520-524.
2. Аполлodor. Мифологическая библиотека // отв. Редактор Я.М. Боровский. – Л.: Издательство «Наука», 1972. – 216 с.
3. Бондаренко А.В. Нарушенные погребения эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири (По материалам Фёдоровской культуры) // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 539-542.
4. Геродот. История // пер. с др.-греч. Г.А. Стратановского. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 768 с.
5. Епимахов А.В. Потревоженные погребения бронзового века Южного Урала: факты и интерпретации // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 561-563.
6. Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское археологическое совещание (21-24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов. – Челябинск: Рифей, 1999. – 204 с.
7. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. – 216 с.
8. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаев. – М.: Наука, 1994. – 656 с.
9. Куприянова Е.В. Манипуляции с предметами в погребениях эпохи бронзы: ограбление или ритуал (По материалам могильника Степное-7) // Труды IV(XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Том I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 588-589.
10. Народные русские сказки // Афанасьев А.Н.: В 3 т. – М.: Наука, 1984-1985.
11. Нелин Д.В. «Ограбление» погребений эпохи бронзы: проблема интерпретации // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы межд. научн. конф. «К столетию периодизации В.А. Гордцова бронзового века южной половины Восточной Европы». – Самара, 2001. – С. 317-321.
12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – 507 с.
13. Сага о Греттире // Пер. с древнеисланд. [О.А. Смирницкой]. – Новосибирск, 1976. – С. 31.
14. Шаровольский И.В. Сказание о мече Тюрфинге (HervararsagaokHeidreks). – Киев: Тип. ун-та Св. Владимира, 1906. – 171 с.